This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

DOI: 10.24833/2410-2423-2023-1-34-70-82

INTRALINGUAL CLASSIFICATION OF NONVERBAL UNITS: CURTSIES

Elena B. Morozova

MGIMO-University,
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation

Abstract. The last decades have seen a drastic growth of researchers' interest in nonverbal communication, especially in gestures and gestural behaviour of both past and present. However, a systematic description of curtsy, a key gesture of the aristocracy in European and Russian cultures, satisfying the demands of nonverbal communication studies has not been attempted. The lack of such research defined the scope and objectives of this paper: determining the semiotic class of curtsy, distinguishing and analyzing its types, describing its physical realization, semantics, comparing curtsies and bows and determining their place within the Russian gestural system. The research is based on monographs on etiquette and protocol, memoires of the Russian courtiers of the 18-19-th centuries, books on stage movement and historical dances, dictionaries of the Russian language and illustrations from Russian literature. The results of multidimensional analysis demonstrate that we should classify curtsy as a communicative emblem, both an etiquette and ceremonial gesture, successfully assimilated by Russian culture and evolving with time. The research distinguishes types of the curtsy found in Russian culture, contexts and situations when it was used, its semantics, etc. Comparing curtsies and bows by several parameters (physical realization, active body parts, context and situations of use) helped to define key elements in performing curtsies and first distinguish them as a separate class of gestures, which should result in a change of their definitions in dictionaries where curtsy is invariably defined as a bow. The paper also gives an insight into the history of gestures, starting with Peter the Great and up to modern times. The results of the research will be of interest for researchers in the field of semiotics, nonverbal communication, intercultural communication, lexicography, ethnography and social anthropology.

Keywords: gesture, curtsy, bow, nonverbal semiotics, Russian gestural system, ceremonial, etiquette

For citation: Morozova, E. B. (2023). Intralingual classification of nonverbal units: curtsies. *Linguistics & Polyglot Studies, 9(1),* pp. 70–82. https://doi.org/10.24833/2410-2423-2023-1-34-70-82

ВНУТРИЯЗЫКОВАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ НЕВЕРБАЛЬНЫХ ЕДИНИЦ: РЕВЕРАНСЫ

Е.Б. Морозова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского,76

Аннотация. В последнее время в мире наблюдается стремительный рост научного интереса к невербальной коммуникации, жестам и жестовому поведению людей, как в синхронии, так и в диахронии. Однако до сих пор не существует системного описания, соответствующего современным требованиям невербальной семиотики, такого важного для европейской и русской культуры жеста, как реверанс. В связи с этим целями и задачами данного исследования являются: определить семиотический класс реверанса, выделить и проанализировать его виды, описать его физическую реализацию и семантику, сравнить реверанс с поклоном и определить его место в жестовой системе русской культуры. Материалом для исследования послужили монографии по истории протокола и этикета, мемуары придворных лиц XVIII-XIX вв., учебники по сценическому движению и историческому танцу, толковые словари русского языка, а также языковые примеры из художественной литературы. В результате многоаспектного анализа реверанс был отнесён к классу коммуникативных эмблем, этикетным и церемониальным жестам, хорошо освоенным русской культурой. В работе выделяются виды реверансов, характерные для русской культуры, подробно рассматриваются ситуации их употребления, семантика жеста и т. д. Сопоставление реверанса и поклона по нескольким параметрам (физическая реализация жеста, активные части тела, контекст и ситуации употребления и т. д.) позволило определить ключевые элементы в способе исполнения реверанса и впервые выделить его в отдельный класс жестов, что, в свою очередь, должно привести к изменениям толкования этого слова в словарях русского языка, в которых оно неизменно объясняется через поклон. В работе также кратко описывается история жеста: от эпохи Петра I до наших дней. Результаты исследования представляют интерес для специалистов в области семиотики и невербальной коммуникации, межкультурной коммуникации, лексикографии, этнографии и социальной антропологии.

Ключевые слова: жест, книксен, поклон, невербальная семиотика, реверанс, русская жестовая система, церемониал, этикет

Для цитирования: Морозова Е.Б. (2023). Внутриязыковая классификация невербальных единиц: реверансы. *Филологические науки в МГИМО. 9(1),* С. 70–82. https://doi.org/10.24833/2410-2423-2023-1-34-70-82

Введение

В последние десятилетия в мире наблюдается стремительный рост научного интереса к невербальной коммуникации. Публикуются сотни работ, затрагивающие её разные аспекты, например, жесты и жестовое поведение людей, как в синхронии, так и в диахронии. Тем не менее до сих не было опубликовано отдельных работ, посвящённых такому важному в европейской и русской культуре жесту, как *реверанс*[1], несмотря на существование достаточно

[1] Здесь и далее в работе при необходимости используется следующая система помет. Жесты и классы жестов выделяются жирным шрифтом. Языковые обозначения жестов и иллюстративные примеры выделяются курсивом.

большого числа исследований, описывающих и классифицирующих сходные с ним по семантике и способу исполнения *поклоны* в русской культуре [2], [16], [26], [27], [29] и др. О реверансе часто пишут в монографиях по историческому этикету и протоколу [1], [20], а в учебниках по сценическому движению и танцу [4], [9], [16] приводятся виды реверансов, характерные для русской и европейской культур. Тем не менее сам жест и его виды остаются совершенно не описанными с точки зрения невербальной семиотики: не определён семиотический класс реверанса, неполно описаны ситуации и правила употребления, его семантика, адресат и манера исполнения жеста. Никогда не проводился сравнительный анализ физической реализации и ситуаций употребления *поклона* и *реверанса*, который позволил бы точно определить место последнего в русской жестовой системе и либо отнести его к классу *поклонов*, либо выделить в отдельный класс.

В связи с этим актуальными целями и задачами данного исследования являются: определение семиотического класса реверанса, выделение и анализ его видов, описание физической реализации, семантики, сравнение реверанса с поклоном и указания его места в системе невербальной коммуникации. Материалом для исследования послужили монографии по истории протокола и этикета, мемуары придворных лиц и исторических делителей XVIII-XIX вв., учебники по сценическому движению и историческому танцу, толковые словари русского языка, а также языковые примеры со словом реверанс из художественной литературы. Теоретический и иллюстративный материал, собранный в ходе исследования, позволил провести многоаспектный анализ более ста примеров употребления жеста (в работе приводятся только некоторые из них) с применением структурно-семиотического, лексико-семантического и лингвопрагматического методов.

Краткая история жеста ‘реверанс’ в русской культуре

Жест *реверанс* возникает в конце Средних веков и получает окончательное оформление в XVI-XVIII вв. в танцах и придворном этикете главных королевских дворов Европы – Испании, Франции и Австрии. Изначально реверанс делали как мужчины, так и женщины, при этом форма мужского и женского реверанса была примерно одинаковой, а сам жест был крайне сложным для исполнения (см. об этом далее). Однако с каждым веком мужская форма реверанса претерпевала изменения, становясь всё более лаконичной и сдержанной, и уже к началу XIX века превратилась в неглубокий вежливый поклон. Женская форма реверанса с течением времени изменилась гораздо в меньшей степени и сохранила основные элементы жеста.

Первое знакомство русской культуры с реверансом состоялось, по-видимому, во второй половине XVI века. Самое раннее из найденных нами документально подтверждённых свидетельств исполнения реверанса при дворе московских государей относится к эпохе правления Ивана Грозного. Царь «призвал своего шута («блазна») и велел ему передразнивать поклоны польских шляхтичей, которые на западный манер «приклякивали» (слегка приседали)» [45, с. 201], а не кланялись в пояс должным образом. Иван Грозный не оценил куртуазного поведения польских дипломатов, однако в дальнейшем, в связи с растущим уровнем торговых, политических и культурных контактов между Московией и европейскими странами, реверансы перестали казаться царям и работникам Посольского приказа чем-то неуважительным.

Активное «освоение» реверанса русской культурой начинается в эпоху правления Петра I. Европейская модель поведения, насаждавшаяся императором, быстро начала вытеснять традиционные модели поведения, характерные для допетровской эпохи. Примеры исполнения реверанса из исторических свидетельств и мемуаров того времени свидетельствуют о том, что в петровскую эпоху традиционные русские жесты – *земной, поясной поклоны и коленопреклонения*, которые активно использовались для выражения уважения любому лицу с более высоким статусом до начала петровских реформ, – стали постепенно уступать место реверансу среди представителей нового и старого дворянства. Отчасти новую «моду на реверансы» можно объяснить тем, что согласно указам Петра на балах, маскарадах и ассамблеях участникам было предписано танцевать только европейские танцы, в которых реверанс был обязательным элементом [13, с. 45].

Резкий «разворот» в сторону западной культуры среди представителей дворянства привёл к тому, что теперь элита отличалась от простого народа не только своим финансовым и социальным положением, но и совершенно иным культурным кодом. Простой народ плохо понимал и не разделял новые культурные ценности, придерживаясь обычаев предков. Происходило постепенное «углубление стратификации общества, ставшей причиной раскола ранее относительно однородной русской культуры по полюсам: дворянская и народно-крестьянская» [46, с. 81]. Этот разрыв между «верхами» и «низами» хорошо прослеживается и в жестовом поведении разных сословий: простой народ, купечество и духовное сословие в годы правления Петра, а также в последующие исторические эпохи, продолжали пользоваться *поклонами* и *коленопреклонениями*, исконными для русской культуры жестами.

В середине XVIII века в России происходит становление бальной культуры и придворного этикета. Неумение танцевать считалось большим недостатком в воспитании дворянина или дворянки, потому что в европейских танцах той эпохи танцевальные па чередовались с многочисленными поклонами и реверансами. Красивое исполнение танцевальных элементов и элементов придворного этикета позволяло продемонстрировать изысканность манер, грацию и хорошее воспитание, которые чрезвычайно высоко ценились в дворянском обществе. Неудивительно, что именно в то время появилась и стала чрезвычайно востребованной профессия танцмейстера – учителя танцев и распорядителя (организатора) танцев на балу. Роль первых танцмейстеров в России исполняли шведские офицеры, попавшие в плен во время войны; позднее на эту работу было принято приглашать преподавателей танцев из европейских стран, в основном из Франции и Италии. Танцмейстер учил не только танцам, но и хорошим манерам, умению легко и непринуждённо двигаться – красиво садиться, ходить, пересекать зал, кланяться, обмахиваться веером и т. д. [22, с. 92]. Обучение танцам и хорошим манерам начиналось рано. По воспоминаниям генерала-лейтенанта и поэта С.А. Тучкова, родившегося в 1767 году, уже в возрасте трёх лет его, как и любого другого дворянина того времени, «учили делать учтивые поклоны, приучали к французской одежде» [40, с. 2] Столь раннее знакомство с правилами этикета позволяло юным дворянам безупречно овладеть искусством политеса к тому моменту, когда они начинали выезжать в свет.

К концу XVIII века русское дворянство прекрасно усвоило все тонкости европейского придворного этикета и демонстрировало изысканность обращения и изящность манер, ни в чём не уступая иностранцам. «С полвека уже все привыкли подражать иностранцам, одеваться, жить, меблироваться, есть, встречаться и кланяться, вести себя на бале и на обеде, как французы, англичане и немцы. Всё, что касается до обращения и приличий, было перенято превосходно» [37, с. 464], – писал французский дипломат Л. Сегюр о России того времени.

В 1789-1794 гг. во Франции произошла революция, повлекшая за собой уничтожение монархии и аристократии. Новый порядок и новые ценности буржуазного общества принесли кардинальные перемены во все сферы жизни Франции, которая по-прежнему оставалась законодательницей моды для всей Европы, включая Россию. Показная роскошь в одежде, церемониальные танцы, вычурность и манерность движений высшего класса больше не отвечали духу времени. Стала модной более простая и лёгкая одежда, не сковывающая движений, причёски, не требующие ношения тяжёлых париков. В танцах XIX века поклон и реверанс по-прежнему сохранялись, однако характер их исполнения значительно изменился. Они стали менее вычурными и менее глубокими, например, кавалеры, исполняя танцевальный реверанс, больше не сопровождали его изысканным движением рук, а держали их свободно опущенными. Под влиянием этих изменений мужчины перестали исполнять реверанс в качестве приветствия, заменив его неглубоким вежливым поклоном[2], а женщины продолжали приседать в реверансе при дворе, на балах и в других торжественных случаях, но часто делали это не столь глубоко и менее церемонно [9, с. 36-37], [16, с. 166].

[2] Однако на протяжении XIX и даже XX-го вв. мы обнаруживаем следы старого мужского реверанса XVIII века в новой манере исполнения мужского поклона, например, когда жестикулирующий изящно снимает шляпу и делает поклон ниже или изысканнее общепринятого: *Граф, ловко придерживая шляпу, сделал реверанс с глубоким поклоном, причём его pince-nez заблестел и закачался, как маятник* [41, с. 315].

В годы правления императора Павла I реверанс превратился в обузу для представителей дворянства. Павел I в вопросах этикета следовал французской дореволюционной традиции и активно внедрял правила этикета времён Людовика XIV, которые уже давно не соответствовали духу эпохи. Император обязал всех дворян, передвигающихся в экипажах, останавливаться и выходить из них при встрече с каретами императорской семьи [1], [8]. Мужчины были обязаны снять верхнее платье, бросив его на землю, снять головной убор и, согнувшись в поклоне, стоять, пока не проедет карета императорской фамилии или же сам император, который часто прогуливался верхом на лошади в одиночестве. Дамы, не исключая саму императрицу, жену Павла, «должны были, несмотря на дождь, снег, слякоть и грязь, выходить из экипажей, причём дамы из страха делали ему глубокий реверанс, остановившись среди улицы, хотя им, в виде снисхождения, и дозволено было исполнять это на подножке кареты» [12, с. 233].

Выполнять эти требования, особенно в холодную или дождливую погоду, было неприятно и даже опасно для здоровья. Представители дворянства выражали недовольство, так как за неисполнение поклонов и реверансов им приходилось какое-то время проводить на гауптвахте. Чтобы избежать подобных неприятностей многие дворяне предпочитали оставаться дома во время прогулки императора. Впрочем, как пишет в своих воспоминаниях о России французская портретистка Э. Виже-Лебрен, иностранки были освобождены от этой неприятной повинности [6, с. 77].

Эпоха правления Павла I ознаменовалась ещё одним интересным фактом. В это время Россия заимствует, теперь уже из Пруссии, ещё один этикетный жест – *книксен* (также называемый *кникс* или *кникса*) – неглубокий, быстрый и несколько небрежный реверанс, перенятый русскими у прусских служанок, иметь которых в услужении было модно в ту эпоху. Книксен быстро обрёл популярность у представительниц разных сословий, потеснив бытовой поклон и реверанс. Мы предлагаем считать *книксен* одним из видов реверанса (см. об этом ниже).

Книксен и реверанс существовали в русской культуре вплоть до революции 1917 года. Как показывает анализ собранных в рамках данного исследования примеров, на протяжении всего XIX и начала XX вв. реверанс оставался важным элементом придворной и дворянской культуры. Он исполнялся преимущественно девушками и женщинами в сильно и средне ритуализованных этикетных ситуациях.

Как уже отмечалось выше, параллельно с реверансами в России продолжали широко использоваться исконные для русской культуры поклоны, которые по-прежнему исполнялись низшими и средними классами в разных этикетных, религиозных и ритуальных ситуациях (приветствия, прощания, благодарности, во время танцев, обрядов, богослужений и т. д.), а также представителями аристократии, включая членов императорской семьи, в некоторых контекстах. Так, во время богослужений и официальных церемоний, типа коронаций, юбилеев и торжественных выездов, которые предполагали встречу с простым народом, императорами и членами их семей использовались *земной* и *поясной поклоны* [7]. Такое переключение невербальных культурных кодов, с заимствованного европейского на исконный русский, по-видимому, связано с идей единения царя и членов его семьи с русским народом и являлось попыткой подчеркнуть общность культурных, духовных и религиозных ценностей правителя и его подданных.

Как мы видим, за менее чем двести лет *реверансу* удалось органично встроиться в сложную систему придворного и дворянского этикета и даже занять в ней свою нишу. После революции 1917 года реверансы, а вместе с ними, но в меньшей степени, и поклоны постепенно утрачивают свою актуальность. В наше время ни *реверанс*, ни *книксен* больше не исполняются в бытовых этикетных ситуациях.

Однако их по-прежнему можно встретить в сфере спорта и искусства: в фигурном катании, театре, танцах и балете. Поклон, к которому по традиции относятся реверанс и книксен, в хореографическом искусстве имеет двойное значение – учебное и сценическое. На практических занятиях в учебных заведениях при помощи поклона ученик выражает уважение педагогу и концертмейстеру. На сцене поклон является знаком уважения по отношению к публике, знаком благодарности за её внимание и аплодисменты. «На сегодняшний день практически во всех видах

современного искусства поклон занимает отдельную нишу. Существует целый «театр поклонов», со своей игрой глаз, оригинальной пластикой рук и движениями тела. Будь то лёгкий и непринуждённый книксен дебютантов, глубокий реверанс артистов оперы и балета, а может трагический или надменный поклон актёров драмы – все они несут в себе чёткий подтекст, во многом понятный и доступный современному обществу» [35, с. 181]. В спортивной сфере фигуристки также делают книксен, иногда дважды, в конце выступления.

Семиотический анализ реверанса

Для определения места реверанса в русской жестовой системе мы руководствовались принципами, изложенными в работах Г.Е. Крейдлина, одного из ведущих специалистов в области семиотики и невербальной коммуникации. Сначала необходимо определить семиотический класс жеста. Далее выделяются активные части тела, задействованные во время его исполнения, анализируются и описываются способы исполнения жеста (физическая реализация жеста) и манера исполнения. Также необходимо описать его семантику, стилистическую маркированность (при наличии), ситуации и правила употребления [17, с. 79-80], [39, с. 21-29].

Согласно общепринятой в невербальной семиотике классификации Д. Эфрона *реверанс* относится к семиотическому классу эмблем, то есть жестов, которые имеют самостоятельное лексическое значение и способны передавать смысл независимо от вербального сообщения *коммуникативного типа*, так как жест несёт информацию, которую исполнитель намеренно передаёт адресату в коммуникативном акте [39, с. 183], [45]. Исполнение реверанса в качестве приветствия без вербального сопровождения является достаточным условием для того, чтобы коммуникативный акт считался успешным. Поскольку реверанс употребляется в этикетных ситуациях разной степени ритуализованности и церемониальных ситуациях (во время танца, в конце театрального представления или аудиенции у императора), он является и *этикетным*, и *церемониальным* жестом одновременно. Также согласно классификации, предложенной в СЯРЖ [39, с. 186-194], реверанс является *заимствованным* жестом. С точки гендерной принадлежности жест будет *универсальным*, так как существовали мужские виды реверанса и женские, и *прагматически освоенным,* поскольку он привычен для русской культуры.

Определив семиотический класс реверанса, рассмотрим подробнее его виды, морфологию, семантику и синтаксис и сравним с поклонами. Собранный материал позволил нам выделить следующие виды реверансов в русской культуре: *танцевальный реверанс XVIII в., мужской реверанс XVIII в., мужской реверанс XVIII в. с тростью, женский реверанс XVIII в., женский реверанс XIX в., книксен, мужской реверанс-поклон*[3] *первой половины XIX в., балетный реверанс, театральный реверанс*[4] и другие.

Активными частями тела, задействованными в исполнении жеста, являются ноги (включая ступни и колени), руки (включая кисти), туловище (корпус), шея и голова. Число активных частей тела зависит от пола исполнителя и эпохи. Так, в *женском реверансе XVIII века* всегда задействованы ноги, руки, шея и голова, туловище всегда остаётся прямым, то есть не сгибается, а *в женском реверансе XIX века* руки задействованы минимально. В *балетном реверансе* руки принимают активное участие в реализации жеста. В *мужском реверансе XVIII века* активно задействованы все выделенные выше части тела, а в мужском *реверансе-поклоне первой половины XIX века* руки могут быть статичны. В *поклонах* активными частями тела являются туловище, шея и голова, а руки задействованы меньше (кисти почти не задействованы) [16], [27].

[3] Этот жест исполнялся следующим образом. Делался шаг в сторону, вторая нога подтягивалась к первой, корпус наклонялся вперёд, а затем выпрямлялся с лёгким отступлением назад. Первый шаг в сторону часто совершался быстро или небрежно, особенно мальчиками и юношами, откуда и пошёл оборот *шаркнуть ножкой*. К концу XIX в. мужчины перестали совершать отступ назад во время выпрямления корпуса [9, с. 36-37].

[4] В цели и задачи данного исследования не входит подробный анализ каждого из этих видов реверанса.

Реверанс, как и поклон, мог исполняться несколько раз подряд или с небольшими перерывами, необходимыми для того, чтобы исполнитель успел сделать несколько шагов назад, не поворачиваясь при этом спиной к адресату жеста. Троекратно кланялись или трижды исполняли реверанс, например, по окончанию аудиенции у вышестоящего лица. Реверанс, как и поклон, мог исполняться с предметами в руках – головным убором или тростью у мужчин, веером или букетом цветов – у женщин.

Способ исполнения реверанса, то есть его физическая реализация, отличается в зависимости от пола жестикулирующего и исторической эпохи. К сожалению, в рамках данного исследования мы не можем подробно описать способы исполнения всех перечисленных выше видов реверанса и вынуждены обойтись лишь схематичным описанием техники их исполнения: шаг, отступление назад и приседание с поклоном или наклоном корпуса и/или головы, выпрямление коленей, снова шаг, в результате которого ноги возвращаются в исходную позицию. Отступление (шаг) назад и сгибание коленей являются, на наш взгляд, *ключевыми элементами* реверанса и тем самым отличают его от сходного с ним на первый взгляд *поклона*, у которого доминантой физической реализации является наклон верхней части туловища. Руки в исполнении поклона задействованы в гораздо меньшей степени или вообще не задействованы. Ноги при исполнении поклона никакой роли не играют, своего положения не меняют и в коленях не сгибаются. Поклон без отступа назад и сгибания коленей – это просто поклон. Поклон с отступом и сгибанием коленей становится реверансом.

Помимо разной физической реализации, у поклона и реверанса разное происхождение. Поклон является одним из древнейших жестов на земле, он зафиксирован в большинстве культур, включая самые древние. Сходный жест наблюдается и у животных во время демонстрации покорности более сильному члену стаи [2, с. 78]. Реверанс – жест относительно новый. Он появился, согласно гипотезе Д. Морриса, в Средние века. Согнутые во время реверанса колени символизируют *коленопреклонение* – жест, который ещё в древности исполнялся для выражения почтения божеству, знатному лицу или правителю. В Средние века преклонение обоих колен было заменено на преклонение только одного. Считалось, что преклонения двух колен достоин только бог. Из традиции преклонять одно колено и развился реверанс [28, с. 303-304].

Учитывая вышеизложенные соображения, мы предлагаем считать реверанс не ещё одним представителем класса *поклонов*, а отдельным жестом, несмотря на схожую семантику и ситуации употребления (см. об этом ниже). Более того, поскольку реверансы, зафиксированные в русской культуре, довольно значительно отличаются по способу исполнения, то по аналогии с русскими поклонами [26] будет рационально считать реверанс не одним жестом, а целым классом жестов. Такое решение является совершенно оправданным ещё по одной причине. Описывая европейские реверансы XVI-XIX вв. или современные (например, используемый до сих пор дебютантками на балах в южных штатах США глубокий реверанс-простирание *Texan dip*), мы столкнёмся с ещё бóльшим разнообразием физических реализаций, которые никак нельзя будет свести к некоему инварианту.

Отдельно следует сказать несколько слов о *книксене* и способе его исполнения. Он во многом совпадает с техникой исполнения женского реверанса, включая в себя отступ назад и приседание [3, с. 46], [16, с. 166]. Однако манера исполнения этих жестов разная. Книксен делается быстро, с неглубоким приседанием, при этом сам жест выглядит как упрощённый (редуцированный) или небрежно исполненный реверанс. Исполнение книксена, который всегда был исключительно женским жестом, требует гораздо меньшей грации и физической подготовки. С учётом вышесказанного мы предлагаем считать *книксен* отдельным видом реверанса.

Теперь обратимся к семантике реверансов. Реверанс, как и поклон, имеет инвариантное значение – ‘выражение уважения или благодарности по отношению к адресату жеста, которого исполнитель жеста считает выше себя по социальному статусу’ [26, с. 120]. Схожую семантику этих жестов можно объяснить следующим фактом: склонение головы, которая метонимически означает самого человека (ср., например, с*читать по головам; сложить голову, глава города* и т. д.) фактически приводит к уменьшению роста жестикулирующего. Делая себя физически ниже адре-

сата жеста, исполнитель тем самым подчёркивает его более высокий социальный статус [2, с. 78]. Наклон туловища или/и головы (то есть по сути поклон) и уменьшение роста жестикулирующего во время исполнения реверанса, по-видимому, и объясняет следующие интересные языковые факты[5].

Во-первых, в словарях русского языка, старых и современных, *реверанс* толкуется как 'почтительный поклон с приседанием' [3], [25], [31], [42]. Иногда в толкование ошибочно включается пол исполнителя – 'женский поклон с приседанием' [18], [44]. Во-вторых, в русской литературе самых разных жанров и публицистике, то есть в массовом сознании, *поклон* нередко выступает контекстуальным синонимом *реверанса* и иногда наоборот[6]: «*Гофмаршал императрицы, который нас ожидал, сказал мне: «Предупредите графиню, что она должна сделать императрице три поклона при входе и столько же, когда будет откланиваться, идя назад, не оборачиваясь; вчера одна дама так запуталась в хвосте своего платья, что упала на пол и меня чуть с ног не сшибла*» [14, с. 32]. Из принятых при дворе XIX века правил этикета мы знаем, что графиня могла приветствовать императрицу только реверансом. Даже А. С. Пушкин, большой любитель французского языка, слово *реверанс* не жаловал и употребил его только в одном своём произведении «Арап Петра Великого», а в остальных произведениях использовал только слово *поклон* [38, т. 3, с. 1049].

Несмотря на семантическое сходство поклонов и реверансов и наличие общего элемента в физической реализации, определение *реверанса* в толковых словарях русского языка через *поклон* является, на наш взгляд, неверным и требует пересмотра современной лексикографией. Более точным, но не идеальным, толкованием *реверанса*, как нам кажется, будет примерно следующее: 'сложный по форме этикетный или церемониальный жест для выражения уважения или почтения человеку с более высоким социальным статусом, который представляет собой отступление назад, сгибание коленей и одновременным наклоном туловища и/или головы'.

Манера исполнения жеста – глубина приседания и угол наклона корпуса и/или головы – может уменьшать или увеличивать степень уважения или благодарности, которую хочет передать адресату исполнитель жеста. Чем больше почтения хочет выразить жестикулирующий, тем ниже он сгибает колени, наклоняет туловище и/или голову, и тем дольше он остаётся в этой позе. «*Классные дамы сделали низкий, почтительный реверанс. «Вот он какой, великий-то князь», – думал я, глядя во все глаза*» [15, с. 20]. Такое же значение может иметь и скорость выполнения жеста. Реверанс можно «растягивать» во времени, придавая ему церемонность и изысканность, можно выполнять в нормальном темпе, а можно и слишком быстро, тем самым придавая жесту некоторую небрежность и понижая «градус» уважения [16, с. 153]: «*Девочка, забыв всякий этикет, сделала только боком кривой реверанс Maman и бросилась на шею отцу*» [23, с. 199].

По сфере употребления реверанс может быть светским и церемониальным, но ни в коем случае не религиозным. *Адресатом реверанса,* по крайней мере в русской культуре, может быть только человек, причём лицо светское, а не священнослужитель. Поклон же может быть адресован не только человеку, но и богу, божеству или предмету культа. Во многих культурах, включая русскую, существуют специальные виды поклонов, которые используются во время богослужений, встреч со священнослужителем и религиозных ритуалов, например, *земной и поясной поклоны.* Таким образом, сфера употребления реверанса гораздо у́же, чем у поклона.

Выше мы кратко упоминали некоторые ситуации, требующие исполнения реверансов в русской культуре прошлых веков. Рассмотрим этот вопрос подробнее. Во-первых, реверансы активно исполнялись во время танцев, являясь их непосредственными элементами, в основном менуэта и гавота (конец XVII – начало XIX вв.), «и порой реверансов в них было больше, чем чисто танцевальных движений. Естественно, что изучение основных реверансов продолжалось шесть-семь месяцев, в то время как танцам учились несколько лет» [4, с. 16].

---

[5] Хотя в цели и задачи данной работы не входит подробный лингвистический анализ слова *реверанс*, его семантики, стилистики, этимологии и т. д., мы не можем обойтись без некоторого лингвистического комментария для иллюстрации различий между реверансом и поклоном.

[6] В мемуарной литературе реверанс так же называется *приседанием*.

Во-вторых, на протяжении всего XVIII века реверансы широко использовались при дворе, то есть в церемониальных и бытовых *этикетных ситуациях приветствия и прощания.* Реверансами дворяне приветствовали императора или императрицу, других членов императорской семьи, послов и представителей аристократии других государств: «*Я стоял на верёвочной лестнице и не имел довольно места, чтобы сделать приличный реверанс [государю], и совершенно замешался*» [33, с. 27].

Также реверансами дворяне могли приветствовать друг друга, особенно если один из участников ситуации был ниже по своему социальному статусу или младше по возрасту при встрече, на балах, маскарадах, официальных и неофициальных приёмах и т.д. «[На балу] *желая танцевать с дамой, кавалер подходил к ней не прежде, как после трёх церемониальных поклонов* [т. е. реверансов], *во время танцев едва касался её пальцев, а когда танец кончался, объявлял ей свою благодарность в выспренних выражениях и целовал ручку*» [34, с. 125].

В XIX веке и до 1917 года при дворе во время балов и церемоний или вне двора для приветствия членов императорской семьи дамы по-прежнему исполняли *женский реверанс XIX века,* медленно сгибая колени и наклоняя голову. Император Николай I, например, лично рассказывал своим детям и внукам о придворных церемониях и сам показывал, как правильно следует двигаться, кланяться или делать реверанс [36, с. 18]. Молодых дворянок с детства обучали искусству приветствия; обучение происходило на уроках танцев или дома: «*Он* [учитель танцев] *являлся на уроки всегда во фраке, с очень короткими позади фалдами, которые не повисали, а как-то смешно топорщились и поднимались почти торчком, когда он приседал, показывая сестре, как надо делать «глубокий реверанс», или показывал мне, как, «шаркнув ножкой», должно отвесить «глубокий поклон» старшим*» [11, с. 75]. Воспитанниц Смольного института, многие из которых в дальнейшем стали фрейлинами при дворе, также специально обучали искусству придворного реверанса. «А вы, mesdames, стойте в дверях залы и, как принц подойдет к дверям, сделайте общий глубокий реверанс…» [10, с. 86]. Такое же внимание искусству исполнения реверанса уделяли и в другом известном учебном заведении для девочек-дворянок – Екатерининском институте (Училище ордена Святой Екатерины): «Уроки танцев, сразу для двух параллельных классов, происходили в большой зале под музыку тапера, в присутствии инспектрисы, зорко следившей за нашим поведением. Пол-урока мы учились делать реверанс: под звуки полонеза мы плавно приседали до полу, расправив обеими руками свои широкие платья» [5].

В менее торжественных ситуациях дворянки и представители других сословий исполняли книксен: «*Калинович слегка поклонился ей; экономка сделала ему жеманный книксен*» [32, с. 51]. Также, например, ученицы или воспитанницы учебного заведения часто приветствовали книксеном директрису или не очень важных гостей заведения: «*Девочки сделали торопливый книксен и, пробормотав какое-то извинение, побежали наверх, молча разделись и легли спать*» [23, с. 86]. Мужчины в этот период, как уже упоминалось, во всех ситуациях исполняли поклоны.

Помимо ситуаций приветствия реверансы и книксены использовались как знак уважения по отношению к адресату, для выражения благодарности или признательности вышестоящему лицу за оказанную милость или обещание помощи: «*Девочка, взяв деньги, соскочила со стула, сделала реверанс и поцеловала у дедушки руку*» [21, с. 116]. «*Девица, удостоенная награды первой степени, выходит из ряда остальных, делает два реверанса и опускается на подушку на колени перед государыней*» [30, с. 245]. «*Благодарю вас, Сергей Александрыч, – делая книксен, проговорила Хиония Алексеевна в прежнем своем тоне*» [24, с. 360].

Теперь скажем несколько слов о стилистической маркированности жеста. Вслед за СЯРЖ, в котором для стилистической маркировки жестов используются традиционные пометы из толковых словарей, можно отметить, что в настоящее время жест вышел из массового употребления, оставшись лишь в сфере искусства и спорте, соответственно, он может быть маркирован пометой *уст. (устаревшее)* или *ист. (историческое)*. В некоторых контекстах, когда исполнение реверанса жестикулирующим является неуместным, возможно появление пометы *ирон. (ироническое)* или *шутл. (шутливое)*. «*Ванька-Встанька чисто поймал на лету брошенный пятиалтынный, сделал*

комический реверанс и, нахлобучив набекрень форменную фуражку с зелёными кантами, исчез» [19, с. 210]. *«Имею честь довести сие до сведения вашей светлости, – и она отвесила мне насмешливо-почтительный реверанс»* [43, с. 86].

Заключение и выводы

В результате комплексного анализа, проведённый в данной работе, были проанализированы различные аспекты исполнения реверанса и выделены активные части тела, участвующие в его физической реализации. Были определены виды реверансов, характерных для русской жестовой культуры; схематично обрисован упрощённый способ их исполнения, описаны семантика, стилистика и ситуации употребления этого класса жестов.

Сравнение способов физической реализации схожих по своей форме *реверансов* и *поклонов*, позволило нам выделить реверанс в отдельный, новый класс русских жестов, так как главным элементом его физической реализации является, в отличие от поклона, сгибание ног, а не верхней части туловища. Впервые проведённое сравнение сфер и ситуаций употребления, характеристик исполнителя и адресата жеста, манеры исполнения *поклонов* и *реверансов* выявило наличие схожих и идентичных элементов в их семантике и прагматике, что позволяет объяснить широко распространённое отождествление реверанса с поклоном и использование их как контекстных синонимов, а также традиционное толкование реверанса через поклон в старых и современных словарях русского языка. Несмотря на выделенное семантическое и прагматическое сходство, данные жесты, как показано в работе, не принадлежат к одному семиотическому классу, что требует пересмотра толкования лексемы *реверанс* в современной лексикографии.

© Морозова Е.Б., 2023

Список литературы

1. Агеева О. Г. Императорский двор России эпохи Павла I / О. Г. Агеева. М.: Кучково Поле, 2018. 440 с.
2. Байбурин А.К. У истоков этикета / А. К. Байбурин, А. Л. Топорков. Л.: Наука, 1990. 168 с.
3. БАС – Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / под ред. В. И. Чернышёва. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1961. Т. 12. 1676 стб.
4. Биктагиров И. И. Поклоны и реверансы в историко-бытовых танцах: Учебно-методическое пособие для студентов средних и высших учебных заведений музыкально-хореографических и педагогических специальностей / И. И. Биктагиров. Казань: К(П)ФУ, 2015. 59 с.
5. Ваксель О. Воспоминания / О. Ваксель // Семь искусств, № 8 (21), 2011. – URL: http://7iskusstv.com/2011/Nomer8/Vaksel1.php. (Дата обращения: 20 сентября 2022 г.).
6. Виже-Лебрен Э. Воспоминания г-жи Виже-Лебрен о пребывании её в Санкт-Петербурге и Москве. 1795–1801 / Э. Виже-Лебрен. СПб.: Искусство-СПБ, 2004. 297 с.
7. Волков Н. Е. Двор русских императоров в его прошлом и настоящем / Н. Е. Волков. М.: Кучково Поле, 2013. 320 с.
8. Головина В. Н. Мемуары / В. Н. Головина. Москва: АСТ, Астрель. 2005. 447 с.
9. Ивановский Н. П. Бальный танец XVI-XIX веков / Н. П. Ивановский. СПб.: Планета музыки, 2020. 256 с.
10. Каменская М. Ф. Воспоминания / М. Ф. Каменская. М.: Художественная лит-ра, 1991, 386 с.
11. Карабчевский Н. П. Что глаза мои видели. Том первый. В детстве / Н. П. Карабчевский. Берлин: Издание Ольги Дьяковой и К, 1921, 169 с.
12. Карнович Е. П. Мальтийские рыцари в России. Историческая повесть из времен Павла I / Е. П. Карнович. М.: Русская печатня, 1909, 253 с.
13. Колесникова А. В. Бал в России: XVIII – начало XX века / А. В. Колесникова. СПб.: Азбука-классика, 2005. 304 с.
14. Комаровский Е. Ф. Записки графа Е. Ф. Комаровского / Е. Ф. Комаровский. М.: Товарищество русских художников, Внешторгиздат, 1990. 49 с.
15. Корсаков А. Н. Воспоминания московского кадета // Кадеты, гардемарины, юнкера. Мемуары воспитанников военных училищ XIX века. М.: Ломоносовъ, 2012. С. 19-24.
16. Кох И. Э. Основы сценического движения / И. Э. Кох. М.: Просвещение, 1976. 222 с.
17. Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык / Г. Е. Крейдлин. М.: НЛО, 2002. 592 с.
18. Кузнецов С. А. Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. М.: Рипол-Норинт; СПб: Рипол-Норинт, 2008. 959 с.

19. Куприн А. И. Яма / А. И. Куприн. Полное собрание сочинений в 10 томах. Т. 6. Повести. Рассказы. М.: Воскресенье, 2007. С. 7-283.
20. Лаврентьева Е. В. Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. Этикет / Е. В. Лавреньева. М.: Молодая гвардия, 2007. 663 с.
21. Лейкин Н. А. Дедушка-именинник / Н. А. Лейкин // Господа и слуги. Рассказы. СПб.: Товарищество «Печатня С. П. Яковлева», 1903. С. 113-150.
22. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века) / Ю. М. Лотман. СПб.: Искусство - СПБ, 1994. 399 с.
23. Лухманова Н. А. Институтки. Тайны жизни воспитанниц / Н. А. Лухманова. М.: Алгоритм, 2017. 320 с.
24. Мамин-Сибиряк Д. Н. Приваловские миллионы / Д. Н. Мамин-Сибиряк. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 2. М: Государственное издательство художественной литературы, 1955. 592 с.
25. МАС – Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 3. 750 с.
26. Морозова Е.Б. Невербальный этикет в его соотношении с вербальным: дис…кандидата филологических наук / Е. Б. Морозова. Москва, 2006. 180 с.
27. Морозова Е. Б. Русские поклоны: взгляд сквозь века / Е. Б. Морозова // Концепт: философия, религия, культура. 2019. №1 (9). С. 148-155.
28. Моррис Д. Наблюдая за человеком: фундаментальное исследование всех невербальных сигналов / Д. Моррис. М.: КоЛибри, 2017. 668 с.
29. Накадзава А. К проблеме происхождения и эволюции этикетных формул «поклон» и «челобитье» в Древней Руси / А. Накадзава // Труды отдела древнерусской литературы / под ред. О. В. Панченко. СПб.: Росток, 2016. Т. 64. С. 653-677.
30. Никитенко А. В. Дневник. В трёх томах / А. В. Никитенко. Том 1. 1826-1857. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955. 542 с.
31. Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. 18-е изд., стереотипное. М.: Русский язык, 1986. 797 с.
32. Писемский А. Ф. Тысяча душ / А. Ф. Писемский. Собрание сочинений в трёх томах. Т. 3. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956, С. 3-469.
33. Пушкин А. С. Арап Петра Великого / А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Том 6. Москва-Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1950. С. 7-57.
34. Пыляев М. И. Начало зрелищ, балов, маскарадов и других общественных увеселений в России / М. И. Пыляев. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1892. 323 с.
35. Роговец, О. В. Поклон в хореографическом искусстве: исторические преобразования и культурная значимость / О. В. Роговец // Молодой ученый. 2018. № 37 (223). С. 180-185.
36. Романова О. Н. Сон юности. Записки дочери Николая I / О. Н. Романова. М.: Алгоритм, 2017. 271 с.
37. Сегюр Л.-Ф. Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II (1785-1789) / Л.-Ф. Сегюр. СПб.: Типография В. Н. Майкова, 1865. 389 с.
38. СЯП – Словарь языка Пушкина: в 4 т. / Отв. ред. В.В. Виноградов. М.: Азбуковник, 2000. Т. 3. 1283 с.
39. СЯРЖ – Григорьева С. А. Словарь языка русских жестов / С. А. Григорьева, Н. В. Григорьев, Г. Е. Крейдлин. Москва-Вена: Языки русской культуры; Венских славистический альманах, 2001. 256 с.
40. Тучков С. А. Записки С.А. Тучкова / С. А. Тучков. СПБ: Свет, 1908, 297 с.
41. Успенский Н. В. Издалека и вблизи: Избранные повести и рассказы / Н. В. Успенский. М.: Советская Россия, 1980. 400 с.
42. Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка / Д. Н. Ушаков. М.: Альта-Принт: Дом. XXI век, 2008. 510 с.
43. Чарская Л. А. Княжна Джаваха / Л. А. Чарская. М.: Издательство «Детская литература», 2014. 220 с.
44. Чудинов А. Н. Справочный словарь орфографический, этимологический и толковый русского литературного языка / А. Н. Чудинов. СПб: тип. Исидора Гольдберга, 1901. 2208 стб.
45. Юзефович Л. А. Путь посла: русский посольский обычай, обиход, этикет, церемониал: конец XV-первая половина XVII в. / Л. А. Юзефович. СПб: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 340 с.
46. Юрков С. Е. Под знаком гротеска: антиповедение в русской культуре (XI-начало XX вв.) / С. Е. Юрков. СПб.: Летний сад, 2003, с. 210.
47. Efron D. Gesture and Environment / D. Efron. N.Y.: King's Crown Press, 1941. 185 p.

References

1. Ageeva, O. G. *Imperatorskii dvor Rossii epokhi Pavla I* [The Imperial Court of Pavel I] / O.G. Ageeva. M.: Kuchkovo Pole, 2018. 440 s.
2. Baiburin, A.K., Toporkov, A.L. *U istokov etiketa* [The Dawn of Etiquette] / A.K. Bayburin, A.L. Toporkov. L.: Nauka, 1990. 168 s.
3. BAS – *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo iazyka:* v 17 t. [Dictionary of Modern Russian Literary Language: in 17 v.] / ed. by V.I. Chernyshev. M., L.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1961. V. 12. 1676 clm.
4. Biktagirov, I. I. *Poklony i reveransy v istoriko-bytovykh tantsakh: Uchebno-metodicheskoe posobie dlia studentov srednikh i vysshikh uchebnykh zavedenii muzykal'no-khoreograficheskikh i pedagogicheskikh spetscial'nostei* [Bows and Curtsies in historical dances: study guide for students] / I.I. Biktagirov. Kazan: K(P)FU, 2015. 59 s.
5. Vaksel, O. Vospominaniia [Memoirs] / O. Vaksel // Sem' Iskusstv. 2011, #8 (21), http://7iskusstv.com/2011/Nomer8/Vaksel1.php. (Accessed 20.09.2022).

6. Vigée Le Brun, Elisabeth. *Vospominaniia g-zhi Vizhe-Lebren o prebyvanii ee v Sankt-Peterburge i Moskve. 1975-1801* [Memoirs of Madame Le Brun of Her Visit to St. Petersburgh and Moscow. 1975-1801] / E. Vigée Le Brun. SPb.: Iskusstvo-SPb, 2004. 297 s.
7. Volkov, N. E. *Dvor russkikh imperatorov v ego proshlom i nastoiashchem* [Russian Imperial Court in the Past and Present] / N.E. Volkov. M.: Kuchkovo Pole, 2013. 320 s.
8. Golovina, V. N. *Memuary* [Memoires] / V.N. Golovina. M: AST, Astrel'. 2005. 447 s.
9. Ivanovskii, N. P. *Bal'nyi tanets XVI-XIX vekov* [Ball dances of 16-19-th cc.] / N.P. Ivanovskii. SPb.: Planeta muzyki, 2020. 256 s.
10. Kamenskaia, M. F. *Vospominaniia* [Memoirs] / M.F. Kamenskaia. M.: Khudozhestvennaia literatura, 1991. 386 s.
11. Karabchevskii,, N. P. *CHto glaza moi videli. Tom pervyi. V detstve* [What my eyes saw. Volume 1. In the childhood] / N.P. Karabchevskii. Berlin: Izdanie Olgi D'iakovoi, 1921. 169 s.
12. Karnovich, E. P. *Mal'tiiskie rytsari v Rossii. Istoricheskaia povest' iz vremen Pavla I* [Maltese Knights in Russia. A historic Account of Pavel I's times] / E.P. Karnovich. M.: Russkaia Pechatnia, 1909. 253 s.
13. Kolesnikova, A. V. *Bal v Rossii: XVIII- nachalo XX veka* [Balls in Russia: 18-th- beginning of 20-th c.] / A.V. Kolesnikova. SPb.: Azbuka-klassika, 2005. 304 s.
14. Komarovskii, E. F. *Zapiski grafa E. F. Komarovskogo* [Letters of Count E. F. Komarovskij] / E.F. Komarovskii. M.: Tovarishchestvo russkikh khudozhnikov, Vneshtorgizdat, 1990. 49 s.
15. Korsakov, A. N. *Vospominaniia moskovskogo kadeta* [Memoirs of Moscow Cadet] / A.N. Korsakov // Kadety, gardemariny, iunkera. Memuary vospitannikov voennykh uchilishch. M.: Lomonosov, 2012. S. 19-24.
16. Kokh, I. E. *Osnovy stsenicheskogo dvizheniia* [Basics of Stage Movement] / I.E. Kokh. M.: Prosveshchenie, 1976. 222 s.
17. Kreidlin, G. E. *Neverbal'naia semiotika: Iazyk tela i estestvennyi iazyk* [Nonverbal Semiotics: Body Language and Natural Language] / G.E. Kreĭdlin. M.: NLO, 2002. 592 s.
18. Kuznetsov, S. A. *Sovremennyi tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [Modern Definition Dictionary of Russian] / ed. by S.A. Kuznetsov. M.: Ripol-Norint; SPb: Ripol-Norint, 2008. 959 s.
19. Kuprin, A. I. *Iama* [Pit] / A.I. Kuprin // Polnoe sobranie sochinenii v 10 tomakh. V. 6. Povesti. Rasskazy. M.: Voskresenie, 2007. S. 7-283.
20. Lavrent'eva, E. V. *Povsednevnaia zhizn' dvorianstva pushkinskoi pory. Etiket* [Everyday Life of Nobility During Pushkin's Time. Etiquette] / E.V. Lavrent'eva. M.: Molodaia gvardiia, 2007. 663 s.
21. Leĭkin, N. A. *Dedushka-imenninik* [A Birthday Grandpa] / N.A. Leĭkin // Gospoda i slugi. Rasskazy. SPb.: Tovarishchestvo Pechatnia S. P. Iakovleva, 1903. S. 113-150.
22. Lotman, Iu. M. *Besedy o russkoi kul'ture. Byt i traditsii russkogo dvorianstva (XVIII - nachalo XIX veka)* [Talks About Russian Culture. Routine and Traditions of Russian Nobility (18-th – beginning of 20-th cc.] / Iu. M. Lotman. SPb.: Iskusstvo - SPB, 1994. 399 s.
23. Lukhmanova, N. A. *Institutki. Tainy zhizni vospitannits* [Boarding School Girls. Secrets of Pupils' Lives]. M.: Algoritm, 2017. 320 s.
24. Mamin-Sibiriak, D. N. *Privalovskie milliony* [Privalov's Millions] / D.N. Mamin-Sibiriak // Sobranie sochinenii v 8 tomakh. V. 2. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1955. 592 s.
25. MAS – *Slovar' russkogo iazyka: v 4 t.* [Dictionary of Russian: in 4 v.] / ed. by A.P. Evgen'eva. M.: Russkii Iazyk.; Poligrafresursy, 1999. V. 3. 750 s.
26. Morozova, E. B. *Neverbal'nyi etiket v ego sootnoshenii s verbal'nym: dis…kandidata filologicheskikh nauk* [Nonverbal Etiquette Against Verbal: Dissertation of Candidate of Science] / E.B. Morozova. Moskva, 2006. 180 s.
27. Morozova, E. B. Russkie poklony: vzgliad skvoz' veka [Russian Bows Through Centuries] / E.B. Morozova // *Kontsept: filosofiia, religiia, kultura,* 2019. #1 (9). S. 148-155.
28. Morris, D. *Nabliudaia za chelovekom: fundamental'noe issledovanie vsekh neverbal'nykh signalov* [Watching Human: Fundamental Research of All Nonverbal Signals] / D. Morris. M.: KoLibri, 2017. 668 s.
29. Nakadzava, A. K probleme proiskhozhdeniia i evoliutsii etiketnykh formul «poklon» i «chelobit'e» v Drevnei Rusi [On the Problem of Origin and Evolution of Etiquette Formula of 'Bow' and 'Low Bow'] / A. Nakadzava // *Trudy otdela drevnerusskoĭ literatury* / ed. by O.V. Panchenko. SPb.: Rostok, 2016. V. 64. S. 653-677.
30. Nikitenko, A. V. *Dnevnik. V trekh tomakh* [Diary. In 3 vol.] /A.V. Nikitenko. V. 1. 1826-1857. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1955. 542 s.
31. Ozhegov, S. I. *Slovar' russkogo iazyka* [Dictionary of Russian] / S.I. Ozhegov. M.: Russkii Iazyk, 1986. 797 s.
32. Pisemskii, A. F. *Tysiacha dush* [Thousand Souls] / A.F. Pisemskii // Sobranie sochinenii v trekh tomakh. Vol. 3. M.: Gosudarstvennoe izdatelstvo khudozhestvennoĭ literatury, 1956. S. 3-469.
33. Pushkin, A. S. *Arap Petra Velikogo* [The Negro of Peter the Great] / A.S. Pushkin // Polnoe sobranie sochinenii v 10 tomakh. Vol. 6. M.-L.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1950. S. 7-57.
34. Pyliaev, M. I. *Nachalo zrelishch, balov, maskaradov i drugikh obshchestvennykh uveselenii v Rossi* [The Beginning of Balls, Masquerades and Other Public Entertainment in Russia] / M.I. Pyliaev. SPb.: Tip. A. S. Suvorina, 1892. 323 s.
35. Rogovets, O. V. Poklon v khoreograficheskom iskusstve: istoricheskie preobrazovaniia i kulturnaia znachimost' [Bow in Choreography: Historical Transformations and Cultural Significance] / O.V. Rogovets // *Molodoi Uchenyi.* 2018. #37 (223). S. 180-185.
36. Romanova, O. N. *Son iunosti. Zapiski docheri Nikolaia I* [Dream of My Youth. Notes of Nikolay I's Daughter] / O.N. Romanova. M.: Algoritm, 2017. 271 s.
37. Segur, L.-F. *Zapiski grafa Segiura o prebyvanii v Rossii v tsarstvovanie Ekateriny II (1785-1989)* [Notes of Count de Segur about His Visit to Russia During the Reign of Catherine II (1785-1989)] / L.-F. Segur. SPb.: Tipografiia Maĭkova, 1865. 389 s.
38. SIAP – *Slovar' iazyka Pushkina: v 4 t.* [Dictionary of Pushkin's Language: in 4 v.] / ed. by V.V. Vinogradov. M.: Azbukovnik, 2000. V. 3. 1283 s.

39. SIARZ – Grigor'eva, S. A., Grigor'ev, N. V., Kreĭdlin, G. E. *Slovar' iazyka russkikh zhestov* [Dictionary of Russian Gestures] / S.A. Grigor'eva, N.V. Grigor'ev, G.E. Kreĭdlin. Moskva-Vena: Iazyki russkoi kul'tury; Venskii slavisticheskii al'manakh, 2001. 256 s.
40. Tuchkov, S. A. *Zapiski S. A. Tuchkova* [Letters of S. A. Tuchkov] / S. A. Tuchkov. SPb.: Svet, 1908. 297 s.
41. Uspenskii, N. V. *Izdaleka i blizi: Izbrannye povesti i rasskazy* [From Far Away and Nearby: Selected Stories and Short Stories] / N.V. Uspenskii. M.: Sovetskaia Rossiia, 1980. 400 s.
42. Ushakov, D. N. *Tolkovyi slovar' sovremennogo russkogo iazyka* [Definition Dictionary of Modern Russian] / D.N. Ushakov. M.: Alta-Print: Dom. XXI vek, 2008. 510 s.
43. Charskaia, L. A. *Kniazhna Dzhavaha* [Countess Javaha] / L.A. Charskaia. M.: Izdatel'stvo Detskaia literatura, 2014. 220 s.
44. Chudinov, A. N. *Spravochnyi slovar' orfograficheskii, etimologicheskii i tolkovyi russkogo literaturnogo iazyka* [Spelling, Etymological and Definition Dictionary of Literary Russian] / A.N. Chudinov. SPb: typ. Isidora Gol'dberga, 1901. 2208 clm.
45. Iuzefovich, L. A. *Put' posla: russkii posol'skii obychai, obihod, etiket, tseremonial: konets XV-pervaia polovina XVII v.* [Ambassador's Path: Ambassadorial Custom, Routine, Etiquette, Ceremonial: end of 15-th- first half of the 17th c.] / L.A. Iuzefovich. SPb: Izdatel'stvo Ivana Limbaha, 2011. 340 s.
46. Iurkov, S. E. *Pod znakom groteska: antipovedenie v russkoi kul'ture (XI-nachalo XX vv.)* [Expressing Protest: Antibehaviour in Russian Culture (19th – beginning of 20th cc.] / S.E. Iurkov. SPb.: Letnii Sad, 2003, s. 210.
47. Efron, D. *Gesture and Environment* / D. Efron. N.Y.: King's Crown Press, 1941. 185 s.

Сведения об авторе:

Морозова Елена Борисовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка № 1 МГИМО МИД России (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: семиотика, невербальная коммуникация, лексикография, этикет. E-mail: morel@mail.ru

About the author:

Elena B. Morozova, PhD, is Assistant Professor at English Department # 1 of MGIMO-University (Russia, Moscow). Fields of research interests: semiotics, nonverbal communication, lexicography, etiquette.
E-mail: morel@mail.ru

* * *